

Санкт-Петербургский государственный университет

МИНИНА Полина Александровна

Выпускная квалификационная работа

**Функционирование вариантных наименований лиц женского пола
в памятниках древнерусского языка XI–XVII веков**

Уровень образования: бакалавриат

Направление 45.03.01 «Филология»

Основная образовательная программа СВ.5036. «Отечественная филология
(Русский язык и литература)»

Научный руководитель: доцент,
Кафедра русского языка,
Старовойтова Ольга Альбертовна

Рецензент:
преподаватель, Кафедра русского языка,
Федеральное государственное казенное
военное образовательное учреждение высшего
образования «Военная орденов Жукова и
Ленина Краснознаменная академия связи
имени Маршала Советского Союза
С.М.Буденного» Министерства обороны
Российской Федерации,
Жаворонкова Татьяна Александровна

Санкт-Петербург
2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФЕМИНАТИВОВ	7
1.1. Определение термина “феминатив”	7
1.2. История появления и назначение слов-наименований лиц женского пола	9
1.3. Историческое состояние феминативной лексики	10
1.4. Современное языковое состояние феминативной лексики	13
1.5. Словообразовательные возможности русского языка	15
1.6. Феминативное словообразование в диалектах русского языка	16
ВЫВОДЫ	17
ГЛАВА 2. ВАРИАНТНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА В АСПЕКТЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ	19
2.1. Тематические группы	21
2.2. Словообразовательные модели	23
2.2.1. Словообразовательные модели, имеющие в своем составе единицы с нулевым суффиксом	24
2.2.1.1. Модель \emptyset — <i>-иц(а)</i>	24
2.2.1.2. Модель \emptyset — <i>-ин(я)/ын(я)</i>	25
2.2.1.3. Модель \emptyset — <i>-ин(и)</i> — <i>-к(а)</i>	25
2.2.1.4. Модель \emptyset — <i>-иц(а)</i> — <i>-к(а)</i>	25
2.2.1.5. Модель \emptyset — <i>-иц(а)</i> — <i>-ын(я)</i>	26
2.2.1.6. Модель \emptyset — <i>-к(а)</i>	26
2.2.1.7. Модель \emptyset — <i>-ов(ь)</i> — <i>-ниц(а)</i>	26
2.2.1.8. Модель \emptyset — <i>-ник(а)</i>	27
2.2.1.9. Модель \emptyset — <i>-к(а)</i> — <i>-ушк(а)</i>	27
2.2.1.10. Модель \emptyset — <i>-иц(а)</i> — <i>-к(а)</i> — <i>-очк(а)</i> — <i>-енк(а)</i>	27
2.2.1.11. Модель \emptyset — <i>-к(а)</i> — <i>-щин(а)</i>	29
2.2.1.12. Модель \emptyset — <i>-ниц(а)</i>	29
2.2.2. Словообразовательные модели, не имеющие в своем составе единиц с нулевым суффиксом	29
2.2.2.1. Модель <i>-j(а)</i> — <i>-иц(а)</i> — <i>-(к)а</i>	30
2.2.2.2. Модель <i>-иц(а)</i> — <i>-ин(я)</i>	30
2.2.2.3. Модель <i>-ин(и)/ын(и)</i> — <i>-к(а)</i>	30
2.2.2.4. Модель <i>-иц(а)</i> — <i>-к(а)</i>	31
2.2.2.5. Модель <i>-ын(и)</i> — <i>-и(а)</i>	31
2.2.2.6. Модель <i>-иц(а)</i> — <i>-ниц(а)</i>	32
2.2.2.7. Модель <i>-иц(а)</i> — <i>-ниц(а)</i> — <i>-к(а)</i>	32

2.2.2.8. Модель <i>-ев(а) — -иц(а) — -их(а)</i>	33
2.2.2.9. Модель <i>-ј(а) — -к(а)</i>	34
2.2.2.10. Модель <i>-ј(а) — -иц(а) — -их(а)</i>	34
2.2.2.11. Модель <i>-иц(а) — -к(а) — -их(а)</i>	34
2.2.2.12. Модель <i>-иц(а) — -ш(а)</i>	35
2.2.2.13. Модель <i>-иј(а) — -ниц(а)</i>	35
2.2.2.14. Модель <i>-овк(а) — -их(а)</i>	35
2.2.2.15. Модель <i>-к(а) — -енк(а)</i>	36
2.2.2.16. Модель <i>-ан(а) — -ичн(а) — -аничн(а)</i>	36
2.2.2.17. Модель <i>-лј(а) — -х(а)</i>	36
2.2.2.18. Модель <i>-иц(а) — -евк(а) — -ян(а)</i>	37
2.2.2.19. Модель <i>-ниц(а) — -яниц(а)</i>	37
2.2.2.20. Модель <i>-ениц(а) — -овиц(а)</i>	38
2.2.2.21. Модель <i>-нј(а) — -ин(я)</i>	38
2.2.2.22. Модель <i>-ј(а) — -ын(я)</i>	38
ВЫВОДЫ	39
ГЛАВА 3. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВАРЬИРОВАНИЯ ФЕМИНАТИВОВ В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА	41
ВЫВОДЫ	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	51
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	53
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И БАЗ ДАННЫХ	58

ВВЕДЕНИЕ

Проблема словообразовательной дублетности стала активно разрабатываться с середины прошлого века В.В. Виноградовым, как проблема исторического словообразования она стала рассматриваться в работах В.М. Маркова и Г.А. Николаева. Позднее она была изучена в синхроническом аспекте словообразовательной системы. Во всех исследованиях поднимается широкий круг вопросов, связанных с проблемой словообразовательной вариантности: выясняются пути становления и развития отдельных синонимических словообразовательных типов, их взаимодействие, изучается функционирование словообразовательных дублетов в определенные исторические периоды, в определенных функциональных стилях языка; предпринимаются попытки выяснения причин возникновения словообразовательных дублетов, их осмысления и интерпретации.

Нельзя, однако, утверждать, что словообразовательная синонимия изучена до конца: нет обобщающих теоретических и типологических исследований, отсутствует последовательное описание истории развития явления в диахронии.

Настоящая работа посвящена исследованию проблемы возникновения и функционирования вариантных наименований лиц женского пола в памятниках древнерусского языка XI–XVII вв.

Слова-наименования лиц женского пола, т. е. феминативы, в современной лингвистике изучаются с точки зрения словообразования и семантики, много внимания уделяется процессу освоения заимствований, их функционированию в интернете и СМИ, однако в данный момент не существует описания явления словообразовательной дублетности в группе феминативов в синхронии и диахронии.

Актуальность объясняется отсутствием исследований словообразовательных дублетов с семантикой лица женского пола в истории русского языка.

Источником материала послужили словари древнерусского языка (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), Словарь русского языка XI–XVII вв., Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам) и древнерусский подкорпус Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ). Берестяные грамоты при сборе данных не учитывались в силу достаточности материала.

Объектом исследования являются 46 рядов слов-вариантов наименований лиц женского пола, включающих всего 111 лексем.

Предмет исследования — словообразовательные модели (всего 34), обнаружившиеся в рядах слов.

Цель работы — поиск причин формирования словообразовательной дублетности в словах-наименованиях лиц женского пола в памятниках древнерусского языка в словообразовательном и функциональном аспекте.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) выбрать слова-наименования лиц женского пола, имеющие суффиксальные словообразовательные дублеты, и составить словник;
- 2) распределить существительные по тематическим группам;
- 3) выделить словообразовательные модели на основании конкурирующих суффиксов и описать их;
- 4) описать причины возникновения дублетности с точки зрения словообразования;
- 5) проанализировать контексты, в которых появляются слова с тем или иным конкурирующим суффиксом;
- 6) описать причины возникновения дублетности с точки зрения функционирования феминативов в памятниках древнерусского языка.

В работе использовались общеметодологический системный подход и частные научные **методы**: описательный, сопоставительный, компонентного и контекстного анализа.

Научная **новизна**: описываются словообразовательные модели феминативов древнерусского языка, дается обоснование словообразовательной дублетности в словообразовательном и функциональном аспекте.

Структура работы обусловлена предметом, целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, списка использованных словарей и баз данных.

Во введении раскрывается актуальность, определяется степень научной разработки темы, объект, предмет, цель, задачи и методы исследования.

Первая глава посвящена краткой характеристике феминативной лексики. Во второй главе рассматриваются варианты наименований лиц женского пола в аспекте словообразования. В третьей главе раскрываются особенности функционирования вариантов феминативов в памятниках древнерусского языка. Каждая глава сопровождается соответствующими выводами. В заключении работы обобщены итоги проведенного исследования.

ГЛАВА 1. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФЕМИНАТИВОВ

Носители современного русского литературного языка без филологического образования полагают, что слова-наименования лиц женского пола появились совсем недавно, однако данные словарей древнерусского языка подтверждают, что феминативы существовали в языке всегда. Их активное изучение началось в прошлом веке, впервые на них обратили внимание такие исследователи, как И.Ф. Протченко, Ю.С. Азарх, Н.М. Шанский; на первых этапах их изучение велось с точки зрения словообразования и семантики. В настоящее время анализом феминативной лексики занимаются специалисты в области гендерной лингвистики, психолингвистики и социолингвистики.

В этой главе будет дано определение термина, история возникновения и назначение слов-наименований лиц женского пола, краткое описание процессов, происходящих в группе феминативов в диахронии и синхронии, а также описание словообразовательных возможностей русского языка.

1.1. Определение термина “феминатив”

В русском языке женский пол может выражаться преимущественно следующими средствами: 1) суффиксальными существительными женского рода, соотносительными с соответствующими именами мужского рода, в т. ч. с нулевым суффиксом (*вдовец — вдова, студент — студентка*), 2) аналитическими сочетаниями (*женщина-космонавт, девушка-гример*), 3) формами согласуемых слов при существительных общего рода (*наш староста — наша староста*).

Кроме названных средств передачи семы «женский пол» можно указать и другие: 1) с помощью корней соотносимых слов (*отец — мать*), 2) с помощью существительных женского рода, не имеющих соотносительных форм имен

мужского рода (*роженица, машинистка*). В последнем случае слова женского рода могут быть образованы двумя основными путями: 1) напрямую от глагола (*рожать*); 2) от существительного — с добавлением к основе сначала суффикса деятеля от возможного, но не зафиксированного мужского коррелята, на который нанизывается суффикс женскости (*машинистка* от *печатной машины*, а не от *машиниста-водителя*).

В этой работе мы остановимся на суффиксальных существительных женского рода, соотносимых и не соотносимых со словами мужского рода, которые в последние десятилетия получили название феминативы.

Феминативы — слова женского рода, обозначающие названия профессий, социального статуса, терминов родства, а также религиозной, возрастной, национальной принадлежности женщин и часто употребляющиеся в качестве коррелята словам мужского рода (напр.: *ученик* — *ученица*, *король* — *королева*, *князь* — *княгиня*).

Морфологическим показателем феминативов выступают различные суффиксы, всего их насчитывается десять: *-к(а)*, *-их(а)*, *-j(а)*, *-ш(а)*, *-ин(я)/-ын(я)*, *-иц(а)* и другие¹. Выбор суффиксов для образования феминативов в русском языке зависит от основы слова в мужском роде: основы, оканчивающиеся на *-тель* и *-ник*, чаще используют суффикс *-иц(а)* (*преподаватель* — *преподавательница*, *ученик* — *ученица*), основы на *-ф* и *-г* — суффикс *-ин(я)* (*граф* — *графиня*, *герцог* — *герцогиня*), основы на парные по глухости–звонкости согласные — *-к(а)* (*шахматист* — *шахматистка*) и так далее, но и здесь возникают сложности. В силу разнообразия суффиксов и отсутствия точно сформулированных правил многие феминативы имеют словообразовательные варианты: если у основ существительных с коррелятивными суффиксами *-ник/-иц-*, *-щик/-ищ-* образование происходит по определенной модели, то у бессуффиксальных основ дело обстоит иначе. Здесь по-настоящему раскрывается разнообразие словообразовательной системы русского языка.

¹ Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. В 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980.

1.2. История появления и назначение слов-наименований лиц женского пола

Оппозиция мужское/женское, являющаяся основополагающей в человеческой культуре, оказала существенное влияние в том числе и на языки. Все мировые культуры стремятся обозначить гендерную принадлежность говорящих и слушающих, будь то различные местоимения для разнополых людей, специальные обращения (*Mrs.*, *Mr.*), суффиксы *-ович*, *-овн(a)* (для русских отчеств) или даже различные написания имени и фамилии (например, в китайском языке).

Сильнее всего эта оппозиция проявляется в языках, обладающих категорией рода, там по большей части и образуются феминативы. Разделение предметов и явлений на “мужские” и “женские” — следствие древней космогонической идеи: все в мире непременно находится в бинарной оппозиции. Именно поэтому для обозначения людей разных полов существуют разные слова. В настоящее время носители языка не ассоциируют явления с чертами, присущими какому-то гендеру, однако установка на то, чтобы люди двух гендеров назывались по-разному, осталась. Когда эта установка нарушается говорящим, слушающий не понимает, о ком речь. Можно привести простой пример: когда кто-то говорит “учитель”, окружающие представляют мужчину, потому что слово мужского рода, если же окажется, что учитель женщина, слушающие будут удивлены, потому что все это время представляли себе совсем другого человека. Таким образом, специальные слова-наименования лиц женского пола вносят в диалог ясность, дают более полную характеристику лица. К тому же в русском языке согласование слов производится не только по числу, но и по роду, поэтому в конструкциях типа “председатель зашла”, “юрист решила” единицы произвольно заменяются на согласующиеся (*председательница зашла, юристка решила*).

Наконец, наличие отдельных слов-наименований лиц женского пола в русском языке часто объясняется политическими и социальными причинами. Так, в начале XX века для построения нового общества требовались рабочие обоих полов, следовательно, надо было сделать профессии “видимыми” для женщин. Именно наличие слов женского рода в объявлениях давало кандидаткам знать, что они подходят на должность². Подтверждение тому — примеры из периодики тех лет: «К указанным лицам комиссия просит также направлять запросы относительно *учительниц, репетиторш, переписчиц и лектрис*» (Женский вестник. 1906. №12); «На станции работало около 1000 *телефонисток*» (Нива. 1910. №83).

1.3. Историческое состояние феминативной лексики

Слова, обозначающие лиц женского пола по профессии, социальному статусу, роли в обществе, уже давно вошли в русский язык. Первые их фиксации можно найти в переводных богослужебных текстах, созданных первоучителями славян Кириллом и Мефодием, — *Богородица, мирносица, пророчица, родоначальница*.

Древнерусский язык, а также язык нового времени не знали никаких ограничений для образования феминативов и, более того, иллюстрировали активную тенденцию к образованию коррелятов женского рода. Рассмотрение этой группы имен в диахроническом аспекте позволяет наблюдать значительное разнообразие вариантов, что подтверждает список представленных нами словообразовательных моделей (см. Главу 2).

Следует заметить, что феминативы относились не только к сегменту разговорной речи — они встречаются в памятниках бытового и делового стиля. Анализ сохранившихся исторических документов (договоров, смет, переписей и

² Беркутова В.В. Феминативы в русском языке: исторический аспект // Филологический аспект. 2019. №11 (43). С. 7–23.

проч.) позволяет реконструировать соответствующий фрагмент языковой картины мира. Достаточно обратить внимание на наименование видов деятельности, которые существовали в Московском государстве в XVI–XVII вв.: *золотарица, кружевница, докторица*.

В Петровскую эпоху складывается лексико-семантическая группа слов, называющих «жену по чину, званию, должности мужа»³. Наименования этой группы образуются от основ существительных со значением лица мужского пола при помощи суффиксов *-ш(a)* и *-их(a)*. В Словаре Ивана Нордстета представлены двадцать слов названной группы: *адмиральша, администраторша, адъютантша, аптекарша*⁴ и под. Появление слов такой группы было связано с изменением бытовых и социальных устоев России начала XVIII века, с изменением положения женщины из высших слоев общества в семье и в светском кругу. Привлечение женщин к участию в ассамблеях и маскарадах было одним из стимулов для создания подобных наименований: возникла необходимость называть супругу должностного лица при представлении.

Вновь образованные наименования использовались не только в официальной речи во время представлений, но и употреблялись в документах, деловых записках, иногда даже в литературных произведениях. Позднее М.В. Ломоносов, говоря о наименовании жены по мужу, отмечал в «Российской грамматике» влияние социальных различий на употребление в существительных суффиксов, образующих женские наименования: «Иностранные имена, чины значащие, кончаются в женском на *-ш(a)*: *фельдмаршалша, бригадирша, генеральша*. Если же просто значат жену мастерового человека, кончаются по большей части на *-их(a)*: *кузнечиха, сапожничиха*»⁵.

³ Демичева В.В. Феминативная лексика XVIII века как отражение культурных и духовных традиций русского общества // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: Сборник научных статей. Гомель, 2019. С. 24–28.

⁴ Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом : [в 2 ч.]. СПб., 1780–1782.

⁵ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М., 2011.

Итак, до XIX века в русском языке действовала историческая тенденция присвоения людям как мужского, так и женского пола собственных лексических именованных. Еще в первой половине XIX века большинство профессиональных обозначений не могли быть применимы к женщинам в силу исторических причин: их неучастия в общественной и политической жизни, запрета для них многих видов трудовой и учебной деятельности. Если возникала потребность обозначить женщину, занимающуюся «мужским» трудом, то в виде исключения могли использоваться слова мужского рода. При этом подчеркивалась именно необычность явления, его исключительный характер: «Старшая была музыкантша, средняя была замечательный живописец» (Ф. Достоевский, «Идиот»); «Будущая жена Дуная, бывшая первым стрелком в Киеве, отправляется во чисто поле искать себе супротивников, с тем чтобы выйти замуж за того, кто любит ее» (С. Шашков, «Очерк истории русской женщины»). Так в середине XIX века появились зачатки тенденции, которая возобладала в современном русском языке, — возникновения обобщенного значения у слов мужского рода.

Об этой новой тенденции высказался К.С. Аксаков, присвоив мужскому и женскому роду слов гендерные черты: «Именем мужского рода, неопределенным по своему значению, обозначается *род вообще* (порода), все *общее* значение имени, потому что самый пол не выступает ярко, не определяется в имени мужском. Вся определенность, ограниченность, положительность, а вместе и пол, выступает в имени женском»⁶. Так, лингвистические категории рода нагружаются дополнительными смыслами: мужской род приобретает черты «общего», а женский род маркируется как исключительно женский.

Пытаясь приспособиться к изменившимся социальным обстоятельствам, на рубеже XIX–XX вв. русский язык развивал оба доступных ему способа отразить и обозначить новые позиции женщин в обществе: «старый» способ,

⁶ Аксаков К.С. Опыт русской грамматики // Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 3. Сочинения филологические. Ч. 2. М., 1880. С. 66.

предполагающий создание отдельных слов женского рода, и «новый» способ, пытающийся придать словам мужского рода обобщенное значение. Следуя «старой» тенденции, процессы словообразования феминативов проходили настолько интенсивно и неконтролируемо, что были задействованы различные словообразовательные модели: *контролерка* — *контролерша*, *комсомолка* — *комсомоловка*, *кустарка* — *кустарница*, *санитарка* — *санитарница*, *буржуазка* — *буржуйка*⁷.

Однако в 1960-е годы в русском литературном языке окончательно побеждает тенденция, отмеченная К.С. Аксаковым: существительное мужского рода может обозначать лицо без указания на пол, его признак маркированности снимается, а существительное женского рода может обозначать только лицо женского пола и остается маркированным⁸. Именно это явление в качестве языковой нормы фиксируют все современные справочники по стилистике⁹.

1.4. Современное языковое состояние феминативной лексики

На современном этапе развития языка наблюдается активное освоение заимствований и неологизмов в связи с участвовавшими контактами с другими языками и повсеместным доступом в интернет. В современном толковом словаре феминативов¹⁰ можно увидеть множество слов, появившихся в русском языке только в прошлом веке (*гидесса*, *мотоциклистка*, *стройотрядовка*). Однако, проводя параллели с прошлым, мы отметили уменьшение количества продуктивных суффиксальных моделей. Так, в словарях зафиксировано меньше слов с суффиксами *-их(а)*, *-иц(а)*, *-ин(я)*, на первый план вышло два суффикса: -

⁷ Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М., 2020.

⁸ В советской лингвистике появилась точка зрения, что на расширение значения и употребление слов мужского рода могла оказать сильное влияние документация административных учреждений, для которой пол лица не является значимым.

⁹ Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. М., 1997.

¹⁰ Колесников Н.П. Толковый словарь названий женщин. М., 2002.

ш(a), *-к(a)*. Это подтверждают данные ассоциативного эксперимента, проведенного А.А. Новолодской среди учащихся 5–7-х классов. Для того чтобы выявить закономерности выбора той или иной модели образования феминативов, была составлена анкета, в которой детям предлагалось по определению профессии назвать саму профессию. Было выяснено, что чаще всего при образовании женских эквивалентов названий профессий опрошенные используют следующие суффиксы: *-к(a)* (237 единиц — 23 %), *-ш(a)* (183 единицы — 17,8 %), *-щиц(a)* (179 единиц — 17,4 %). Менее продуктивными оказались модели с суффиксами: *-ниц(a)* (158 единиц — 15,3 %), *-их(a)* (106 единиц — 10,3 %), *-иц(a)* (83 единицы — 8 %), а также субстантивированные прилагательные (82 единицы — 7,9 %) ¹¹.

Следует отметить, что суффикс *-к(a)* начал преобладать и закрепляться в сфере женского словообразования еще в древнерусскую эпоху, о чем говорят множественные соотносительные пары по типу *молодица* — *молодка*, *селянини* — *селянка*, из которых в языке в итоге остались формы именно с суффиксом *-к(a)*.

Что касается обозначений лиц женского пола в разговорной речи, то здесь отчетливо проявились активизация словообразовательной фиксации родополовой корреляции и возрастание ее продуктивности. В аспекте тенденции языковой экономии суффиксальные производные являются более компактными, поэтому их использование способствует насыщению каналов коммуникативной связи бóльшим объемом информации, ускорению ее доведения до адресата.

Если в деловую речь феминативы еще не проникли, то предпочтительное использование парных существительных женского рода со значением лица постепенно становится характерной приметой публичной коммуникации на русском языке. Это можно отчетливо проследить на материале неологизмов, у

¹¹ Новолодская А.А. Русские феминитивы: лингвистический эксперимент // Ratio et Natura. 2020. № 2(2). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2020-11/Русские%20феминитивы%20лингвистический%20эксперимент.pdf>

некоторых из них даже уточняется время их появления. Например, во время Второй чеченской войны появляется такая запись: сидят замаскированные боевики и *боевички* (Новая газета. 2000).

1.5. Словообразовательные возможности русского языка

В настоящий момент не существует четких и понятных правил образования коррелятов женского рода, особенно для неологизмов, поэтому встречаются различные варианты бытования одного и того же сигнификата. Часто слова с непродуктивными суффиксами заменяются на сочетание того же корня и более привычного суффикса (*лектриса* — *лекторша*, *авиатрисса* — *авиаторша*).

В разговорной речи, где кодификационные предписания и ограничения действуют слабо, наиболее отчетливо проявляются естественные системные языковые закономерности. Особенно остро это чувствуют дети дошкольного возраста, еще не успевшие освоить нормы литературного языка. Так, Г.П. Нещименко, анализируя результаты эксперимента по зондированию речи русских детей, приходит к выводу, что несмотря на то, что у маленьких детей отсутствует какое бы то ни было представление о кодификации, практически все приводимые ими производные образованы в соответствии с регулярными словообразовательными типами, причем в литературном узусе русского языка большинство полученных дериватов полностью отсутствует: словообразовательный тип с *-к(а)*: врач — врачка; герой — героика; джентльмен — джентльменка; доктор — докторка; инженер — инженерка; капитан — капитанка; командир — командирка и т. д.; словообразовательный тип с *-ниц(а)*: дворник — дворница; герой — героиница; друг — дружица; продавец — продавница; бандит — бандитница; словообразовательный тип с *-иц(а)*: продавец — продавица; доктор — докторица; словообразовательный тип с *-их(а)*: продавец — продавчиха; Бармалей — Бармалиха; господин — госпожиха; словообразовательный тип с *-а*: биолог — биолога; монах — монаха; брат —

брата (вместо сестра); друг — друга; дурак — дурака; сосед — соседа. Отмечены и случаи вариативного словообразования: продавец — продавица, продавница, продавчиха; герой — героика, героиница; друг — друга, дружица, дружница¹².

1.6. Феминативное словообразование в диалектах русского языка

Как известно, кодифицированный литературный язык характеризует не все богатство русского языка, он занимает довольно маленькую часть по сравнению с диалектами. Именно в них встречаются как совершенно непонятные носителю русского литературного языка образования (собственно диалектизмы, или лексические диалектизмы), так и лексемы, которые отличаются от слов общеупотребительного языка лишь по своей словообразовательной структуре (словообразовательные диалектизмы).

А.С. Герд отмечает, что «специфика диалектного словообразования на уровне отдельных говоров заключается не в наличии в них каких-либо экзотических моделей, суффиксов или приставок по отношению к литературному языку или другим диалектам, а, во-первых, в соединении суффиксов с теми основами, с которыми они не сочетаются в языке литературном или в других диалектах. Во-вторых, эта специфика выражается в относительной свободе образования индивидуальных, часто неустойчивых временных образований под влиянием отсутствия строгой нормы, характера разговорной речи и пр.»¹³. Это подтверждает исследование Л.З. Бояриновой, которая пишет о существовании таких диалектных женских слов: *рыжотья*,

¹² Нецименко Г.П. Существительные женского рода со значением лица в чешском и русском языке: Тенденции развития // Сборник научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Александры Григорьевны Широковой. М., 2009. С. 10–26.

¹³ Герд А.С. Из словообразования брянских говоров (Имена существительные с детерминативом *g) // Брянские говоры. Л., 1975. С. 47–52.

*плакунья, воспитомка, грибовщица*¹⁴, где общеупотребительные суффиксы сочетаются с основами совсем не так, как в литературном языке.

Диалектное словообразование все же может оперировать «экзотическими» суффиксами. Например, А.А. Ивыгина указывает на то, что номинативы со значением женскости, образованные суффиксальным способом при помощи формантов *-ёй-*, *-уш-*, *-ыш-*, *-ух-*, *-ушк-*, *-х-*, *-як-*, представлены в говоре Волжско-Свияжского междуречья¹⁵. Если в литературном языке насчитывается около 10 суффиксов с модификационным значением женскости, то в некоторых русских диалектах их насчитывается до 40¹⁶.

ВЫВОДЫ

Феминативы — слова женского рода, обозначающие названия женщин по их профессии, социальному статусу, а также религиозной, возрастной, национальной принадлежности. По большей части они образуются в языках, обладающих грамматической категорией рода, например, индоевропейских. Русский язык, входящий в группу славянских языков, не является исключением. Русский язык обладает одной из самых разнообразных словообразовательных систем в мире.

В древнерусскую эпоху слова-наименования женского рода использовались повсеместно: их можно найти в памятниках бытового, делового и церковно-религиозного стиля.

¹⁴ Бояринова Л.З. Суффиксальное словообразование имен существительных со значением лица женского пола в говорах Смоленской области. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.

¹⁵ Ивыгина А.А. Наименование лиц женского пола в русских говорах Волжско-Свияжского междуречья: структурно-семантический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-2(24). С. 93–97.

¹⁶ Улыбина А.А. Наименования лиц женского пола в архангельских говорах (на словарном материале). Автореф. ВКР ... бакалавра филологии. Саратов, 2019.

В Петровскую эпоху происходила активная адаптация заимствований из других языков, складывалась новая лексико-семантическая группа слов, называющих женщин по чину мужа. Вновь образованные наименования использовались в официальной речи, употреблялись в документах и литературных произведениях.

До XIX века большинство обозначений не могли быть применимы к женщинам в силу исторических причин, однако тенденция присвоения людям обоих полов собственных лексических наименований оставалась единственной. Немного позже при наименовании женщин, занимающихся традиционно мужскими занятиями, в качестве исключения, начали использоваться слова мужского рода. Так в середине XIX века появились зачатки тенденции, которая возобладала в современном русском языке и стала нормой, — возникновения обобщенного значения у слов мужского рода.

Несмотря на это, суффиксальные образования женского рода не исчезли из языка. Наоборот, наблюдается рост их количества в связи с появлением новых профессий и увлечений. Феминативы-неологизмы образуются по типичным словообразовательным моделям, однако было отмечено, что в современном русском языке для их образования используется меньше суффиксов, чем в древнерусскую эпоху.

Если кодифицированный литературный язык при образовании новых слов использует привычные носителям модели, то в диалектах ситуация несколько иная: в них встречаются как непривычные сочетания общеупотребительных основ и суффиксов, так и «экзотические» суффиксы, которых нет в литературном языке. Для образования слов-наименований лиц женского пола в диалектах русского языка может использоваться до 40 суффиксов.

ГЛАВА 2. ВАРИАНТНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА В АСПЕКТЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Явление языковой конкуренции, встречающееся на различных уровнях языковой системы, приобретает особое значение в историческом развитии языка. При изучении словообразовательной конкуренции речь идет о синхронном скоплении дериватов, группирующихся у одних и тех же производящих основ. Такое скопление конкурирующих друг с другом дублетов свидетельствует о возникновении в системе точек напряжения, говорящих о том, что соответствующее решение еще не найдено. Наличие очагов конкуренции, противоречащее тенденции языковой экономии, как правило, становится кратковременным явлением. В конечном итоге это напряжение снимается либо семантическим расхождением дублетов, либо полным вытеснением из употребления одного из них, либо смещением его на периферию системы.

Так, в одном из словарей начала XIX в. одновременно зафиксированы следующие формы: *советовальщик, советователь, советник, советчик*¹⁷. К настоящему времени слова *советник* и *советчик* разошлись по значению, а формы *советователь* и *советовальщик* оказались утрачены¹⁸.

В.М. Грязнова, исследовавшая явления словообразовательной синонимии в группе наименований лиц мужского пола в истории языка, отмечает, что, «несмотря на то что еще до XIX века начался процесс распределения функций между моделями с суффиксами *-тель-* и *-щик/-чик-* в зависимости от обозначения семантических категорий и утверждения в качестве доминирующей категории для имен с суффиксом *-щик/-чик-* обозначения лица по профессии, роду деятельности, для данных словообразовательных моделей еще свойственна

¹⁷ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т 4. С.173–174.

¹⁸ *Виноградов В.В.* История слов / Российская академия наук; Отв. ред. чл.-корр. РАН Н.Ю. Шведова. М., 1999.

семантическая и структурная недифференцированность»¹⁹. Таким образом, изначально словообразовательные дублеты семантически не различались, сосуществуя на определенном этапе истории русского языка, и лишь потом началось их семантическое расхождение.

Процессы, происходящие в группе феминативов, отражают общие тенденции развития языка XIX века, когда «центральным процессом, пронизывающим словопроизводство всех частей речи, был процесс устранения словообразовательной дублетности и специализация словообразовательных средств на выражение одного или нескольких внутренне объединенных значений»²⁰. До этого же периода явление языковой конкуренции в словообразовательном аспекте встречалось повсеместно.

Нельзя, однако, утверждать, что процесс по устранению словообразовательных дублетов завершен, как полагают некоторые исследователи. Проведенный Ю.В. Соловьевой анализ суффиксальных оттопонимических существительных на материале словарей позволяет говорить о том, что в современном русском языке могут не только сосуществовать параллельные образования, но и образовываться новые²¹.

Считаем нужным отметить, что конкуренция происходила не только между формально выраженным суффиксами: есть случаи, когда словообразовательным дублетом являлась лексема с нулевым суффиксом (*вдова* — *вдовица*, *кума* — *кумица*, *раба* — *рабыня*).

2.1. Тематические группы

Составленный нами словник представляет 46 рядов единиц (всего единиц 111), которые были распределены по определенным тематическим группам.

¹⁹ Грязнова В.М. Словообразовательная категория суффиксальных личных существительных мужского рода в русском литературном языке XIX века. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. С. 17.

²⁰ Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в формах существительного и прилагательного. М., 1964. С. 8.

²¹ Соловьева Ю.В. Кодеривация суффиксальных оттопонимических существительных // Альманах современной науки и образования. Тамбов. 2011. № 10 (53). С. 160–161.

Стоит отметить, что один ряд может попасть в несколько тематических групп, если лексемы, входящие в него, являются полисемантами. Так, *бабой* называли и пожилую женщину, и повитуху, *дѣвкой* — и ребенка женского пола, и дочь, и прислугу и под. Такими полисемантами преимущественно являются слова-названия женщин по возрасту, так как в традиционной культуре социальные роли имели привязку именно к нему (*женка* — это и молодая женщина, и жена, именно потому, что в этом возрасте бóльшая часть женщин уже состояла в браке; повитухами были в основном пожилые женщины, т. е. *бабки*, так как они обладали достаточными знаниями и опытом, и т. п.).

Распределение лексем по тематическим группам выглядит следующим образом:

1) название женщины по национальной принадлежности / месту жительства: римляныни — римлянка, жидовыни — жидовка, селянина— селянка;

2) название женщины по положению в обществе, социальному статусу: вдова — вдовица, бобылица — бобылка — бобылиха, госпожа — господня, раба — рабица — рабыня, султанша — салтаныни, королева — королица — королиха, арцугня — арцугиня;

3) название женщины по ее деятельности, профессиональной или общественной: исходатаица — исходатайница, инока — инокиня, баба — бабка — бабушка, бѣльница — бѣляница, воровка — вориха, вскупица — вкуспница, пряля — пряха, дѣва — дѣвица — дѣвка — дѣвочка — дѣвченка;

а) название женщины по ее связи с магической деятельностью: вѣдуниха — вѣдунья — вѣдуница, волхва — волхвовь — волшница — волшебница, ворожея — ворожейка, чародѣица — чародѣйница — чародѣйка, колдунья — колдуниха — колдуница;

б) название женщины по ее связи с церковью: пророчица — пророкини, крестьяна — крестьянка — крестьянины, апостола — апостолица, животворица — животворница, богомолка — богомолица, бѣлица — бѣлевка — бѣляна, богадѣлка — богадѣленка, манастрия — манастырница;

4) название женщины по родственным и социальным связям: кума — кумица, подруга/друга — другыня, матери — матка — матица, ближика — ближника, братанична — братична — братана, веденица — ведовица, материца — матерьша, баба — бабка — бабушка, жена — женка — женщина, дѣва — дѣвица — дѣвка — дѣвочка — дѣвченка, богомати — богоматерница;

5) название женщины по личным качествам: злодѣя — злодѣйка — злодѣица, любодѣя — любодѣйка — любодѣица, прелюбодѣя — прелюбодѣйка — прелюбодѣица, блядь — блядка;

6) название женщины по возрасту: баба — бабка — бабушка, жена — женка — женщина, дѣва — дѣвица — дѣвка — дѣвочка — дѣвченка.

Как показывает представленный материал, самой обширной тематической группой является 3-я. Можно предположить, что это связано с тем, что лексемы других тематических групп меньше подверглись явлению языковой конкуренции в силу их особого происхождения. Так, например, названия чужеземцев (1-я группа) узнавали из их собственных уст, и потому они варьировались минимально. Названия членов семьи (4-я группа), как и названия по возрасту (6-я группа) являются очень древним пластом исконной лексики, варьирующимся только на уровне диалектов. В словах этой группы закономерно происходило меньше колебаний, чем в лексемах, обозначающих профессии (которые появились намного позже и были восприняты везде по-разному).

2.2. Словообразовательные модели

В научном дискурсе с понятием словообразовательной модели тесно связано понятие словообразовательного типа. В Грамматике 1980 г. словообразовательный тип определяется как схема построения «слов определенной части речи», абстрагированная «от конкретных лексических единиц», при этом выделяются два необходимых признака: а) общность части

речи мотивирующих слов и б) тождественный в материальном и семантическом отношении формант²².

Е.А. Земская дает следующее определение словообразовательного типа: это «схема (формула) строения производных слов, характеризуемых общностью трех элементов: 1) части речи производящей основы, 2) семантического соотношения между производными и производящими, 3) формального соотношения между производными и производящими, а именно: общностью способа словообразования и словообразовательного средства (форманта), т. е. для аффиксальных способов тождественностью аффикса»²³. С точки зрения Е.А. Земской, «термин “модель” целесообразно использовать для обозначения морфонологических разновидностей внутри одного и того же словообразовательного типа»²⁴. Таким образом, в рамках одного словообразовательного типа может быть две и более словообразовательные модели.

Опираясь на эту точку зрения, будем называть словообразовательной моделью схему построения производных слов определенного типа, включающую три элемента: часть речи производящей базы, определенный формант и конкретное словообразовательное значение, в нашем случае женскости.

2.2.1. Словообразовательные модели, имеющие в своем составе единицы с нулевым суффиксом

Подгруппы были выделены в связи с общностью причин возникновения словообразовательной дублетности в моделях. Интересно, что в данную подгруппу входит треть от общего количества словообразовательных моделей.

²² Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. В 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980. С. 133.

²³ Современный русский язык: Учебник / Белошапкова В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В.; Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981. С. 188.

²⁴ Там же. С.194.

2.2.1.1. Модель \emptyset — *-иц(а)*

Вдова — вдовица

Кума — кумица

Ангела — ангелица

Апостола — апостолица

Данная модель представляет соотношение слов с нулевым суффиксом и суффиксом *-иц(а)* и реализуется в словах, относящихся к разным тематическим группам.

Интересна история первого ряда: речь идет о лексеме *вдова*, которая появилась раньше *вдовицы*. Проанализируем словообразовательную цепочку: сначала от слова *вдова* образовался маскулятив *вдовец*, что объясняется тем, что для древнего общества статус женщины, оставшейся без мужа, был важнее. Мужчина после потери жены мог жениться, потому долгое время слово для обозначения этого социального статуса не требовалось. Когда же оно понадобилось, к корню *вдов-* прибавился суффикс *-ец*. Так как в языке имелась корреляция между мужским суффиксом *-ец* и женским *-иц(а)* (*жрец* — *жрица*, *певец* — *певица*), лексема *вдовица* появилась по аналогии в пару к *вдовецу*.

Аналогичный процесс происходил со словами второго и четвертого ряда: *кумица* появилась в пару к *кумику*, а *апостолица* в пару к *апостолику* (ср. *карлик* — *карлица*), хотя для обозначения этого статуса уже существовали слова *кума* и *апостола*.

Анализируя второй и следующие ряды, где суффиксация на первый взгляд кажется излишней, мы обратили внимание на то, что эти слова при неверной интерпретации могут показаться маскулятивами. По нашему мнению, прибавление к основе суффикса *-иц(а)* могло произойти для усиления родополовой корреляции между словами **(j)а*-склонения (*ангела* как *воевода* и *староста*, *ангелица* как *царица* и *певица*).

2.2.1.2. Модель \emptyset — *-ин(я)/ын(я)*

Инока — инокиня

Друга/подруга — другыня

Лексемы с нулевым суффиксом и флексией *-а* могут быть интерпретированы как слова общего (типа *рева, задира, забияка*) или мужского (*папа, Лука, Илья*) рода. Таким образом, слова без формально выраженного суффикса в большинстве не связаны с женским родом, а флексия не является однозначным показателем грамматического рода. Суффикс *-ин(я)/ын(я)* способствует четкому обозначению половой принадлежности обозначаемого лица.

2.2.1.3. Модель \emptyset — *-ин(и)* — *-к(а)*

Крестьяна — крестьянины — крестьянка

Очевидно, что первая лексема ряда *крестьяна*, которая не обладает формально выраженным показателем женскости, нуждается в суффиксации.

К основе присоединяется древний, ставший уже книжным суффикс *-ин(и)*, во втором — более поздний, продуктивный и разговорный суффикс *-к(а)*. Таким образом, эти суффиксальные варианты могли существовать в разных контекстах и пластах речи.

2.2.1.4. Модель \emptyset — *-иц(а)* — *-к(а)*

Мати — матица — матка

Рассмотрим причины возникновения словообразовательной дублетности в представленном ряде: в древнем слове *мати* бывшего *г-склонения нет формального показателя женскости, для обозначения матери как лица женского пола избираются самые продуктивные феминативные суффиксы древнерусского языка *-к(а)* и *-иц(а)*.

2.2.1.5. Модель \emptyset — *-иц(а)* — *-ын(я)*

Раба — рабица — рабыня

Как уже было упомянуто, флексия *-а* не является однозначным показателем женского рода, в этом случае суффиксация играет роль усилителя родополовой корреляции. Суффикс *-иц(а)* был стилистически нейтральным, в то

время как *-ын(я)* был книжно-письменным и встречался в ограниченном круге памятников. Это обеспечило существование лексем в разных контекстах употребления.

2.2.1.6. Модель \emptyset — *-к(а)*

Блядь – блядка

Первая лексема ряда не обладает формально выраженным показателем женскости даже в виде флексии *-а* и нуждается в суффиксации. По-видимому, по причине того, что в системе уже существовал суффикс *-к(а)*, именно он был выбран в качестве суффикса женскости.

2.2.1.7. Модель \emptyset — *-ов(ь)* — *-ниц(а)*

Волхва — волхвовь — волшница/волшебница

Первые две лексемы ряда являются общим отражением изменений в системе, где слова **ǫ*-склонения в И. п. имели два пути развития: либо как *основа* + *-а*, либо как *основа* + *-ов(ь)* (см.: *моркы* — *морква* и *морковь*). Стоит отметить, что нет никаких данных о том, что *волхва* принадлежало к **ǫ*-склонению, однако такая вероятность есть. В случае же, если слово *волхва* принадлежало к **а*-склонению, из-за схожести основ (*волхва* как *церква*, *тыква*, *смоква*) образование на *-ов(ь)* появилось по аналогии с процессами, происходящими в **ǫ*-склонении.

Волиница/волшебница, вероятно, появились позже в связи с упомянутой тенденцией — флексии *-а* стало недостаточно для выражения женского рода, нужна была суффиксация. Слово *волиница* образовалось путем присоединения суффикса *-ниц(а)* к основе *волхв-*, т. е. напрямую от маскулятива. *Волшебница* произошла от *волибы* — действия по глаголу *вльснжти* — с помощью того же суффикса *-ниц(а)*, одного из самых продуктивных в древнерусском языке.

2.2.1.8. Модель \emptyset — *-ник(а)*

Ближика — ближника

Ближика образовалось от маскулятива *ближник*. *Ближника* же могло образоваться как от мужского коррелята *ближник*, так и непосредственно от прилагательного *ближний* путем присоединения суффикса *-ик-* с последующей компрессией суффиксов *-н-* и *-ик-*. Интересно, что *-ник-* нетипичен для женских образований, скорее всего это должен быть суффикс *-ниц(а)*, в котором не прошла третья палатализация. Возможно, эта лексема заимствована носителями древнерусского койне у носителей древненовгородского диалекта, где как раз и наблюдается отсутствие второй и третьей палатализаций.

2.2.1.9. Модель \emptyset — *-к(а)* — *-ушк(а)*

Баба — бабка — бабушка

Первая лексема ряда *баба* не обладает формальным показателем женскости и нуждается в суффиксации. В слове *бабка* к основе присоединяется один из самых продуктивных суффиксов, *-к(а)*, вероятно, по причине его активности. Суффикс *-ушк(а)*, представленный в лексеме *бабушка*, является носителем уменьшительно-ласкательного значения, которое не могло не возникнуть в лексеме с семантикой родства.

2.2.1.10. Модель \emptyset — *-иц(а)* — *-к(а)* — *-очк(а)* — *-енк(а)*

Дѣва — дѣвица — дѣвка — дѣвочка — дѣвченка

Очевидно, что первая лексема ряда *дѣва*, обладая только корнем и флексией, не отражает значения женскости и нуждается в суффиксации. Слова *дѣвка* и *дѣвица*, образованные путем присоединения к основе самых распространенных суффиксов *-к(а)* и *-иц(а)*, остаются нейтральными, в то время как у существительных с суффиксами *-очк(а)* и *-енк(а)*, образованных от лексемы *дѣвка*, появляется эмоциональная уменьшительно-уничижительная окраска.

При этом, если *дѣва* и *дѣвица* являются однозначными словами, то *дѣвка*, *дѣвочка* и *дѣвченка* — полисеманты. Образованиями с суффиксами *-к(а)*, *-очк(а)*, *-енк(а)* сначала обозначали только ребенка женского пола/молодую

девушку, затем начали относиться к дочери, потом стали обозначать еще и прислугу. Это подтверждается данными словарей, где значение ‘девушка, девочка’ является первичным, а остальные — вторичными.

Суффикс *-очк(а)* является результатом компрессии суффиксов *-оч-* (из древнерусского *-ък-* по первой палатализации перед гласным переднего ряда *ь*, входящим в состав суффикса *-ък-*; с вокализацией *ь* в сильной позиции) и *-к(а)*. В.В. Виноградов говорит о том, что экспрессивное напряжение может выражаться в удвоении или утроении суффиксов субъективной оценки. «Историки языка возводят к производным (т. е. результату вторичной деривации) все современные диминутивные суффиксы индоевропейских языков, т. е. те, которые уже в древнерусском языке непродуцированы (*-ък-, -ьк-, -ица, -ьца, -ик*)»²⁵. Таким образом, диминутивный суффикс *-очк(а)* является результатом вторичной деривации в силу своей эмоциональной окраски.

Суффикс *-енк(а)* возник в результате компрессии суффиксов *-ен-* о значении лица по его признаку (ср.: *сластена, гулена*) и *-к(а)* со значением женскости. Рассмотрим, как перед суффиксом появилась *-ч-*: древнерусский суффикс *-ък-* (из *дѣвѣка*), перешел в шипящий *-ч-* по первой палатализации перед гласным переднего ряда *е*, входящим в состав суффикса *-ен-*; в слабой позиции произошла утрата редуцированного *-ъ-*, получилось не *-оч-* (как в лексеме *дѣвочка*), а *-ч-*. Как и в случае с суффиксом *-очк(а)*, в морфеме *-енк(а)* экспрессия выражается в компрессии нескольких суффиксов.

2.2.1.11. Модель \emptyset — *-к(а)* — *-щин(а)*

Жена — женка — женщина

Как и в предыдущих случаях, флексии женского рода *-а* оказывается недостаточно для передачи значения лица женского пола, следовательно, требуется формальный показатель в виде суффикса. В случае *женки* это один из

²⁵ Тагабилева М.Г. Сопоставительный анализ моделей диминутивного словообразования (на материале существительных женского рода в южнославянских языках). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. С. 45–52. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://dissovet.philol.msu.ru/docs/2016_Tagabileva MG_diss_10.02.20_24.pdf

самых распространенных суффиксов $-к(a)$. В случае же *женщины* это суффикс $-щин(a)$, образовавшийся от краткого прилагательного *женска* и суффикса $-ин(a)$. Изначально суффикс $-щин(a)$ обладал собирательным значением, позже он также стал обозначать лицо, названное образующим словом, т. е. стал обладать единичным значением (женщина как воплощение всего женского, качеств женского пола).

2.2.1.12. Модель \emptyset – $-ниц(a)$

Богомати — богоматерница

Рассмотрим причины возникновения словообразовательной дублетности в представленном ряде: второй корень сложного слова *богомати* является словом древнего *r-склонения, в именительном падеже которого нет формального показателя женскости. Для обозначения Богородицы как лица женского пола берется основа косвенных падежей слова *мати* (с наращением $-ер-$) и один из самых продуктивных суффиксов древнерусского языка $-иц(a)$.

2.2.2. Словообразовательные модели, не имеющие в своем составе единиц с нулевым суффиксом

Данная группа является более обширной и составляет $\frac{2}{3}$ от общего количества словообразовательных моделей. Как и в предыдущей группе, причины словообразовательной вариантности у моделей, не имеющих в своем составе нулевого суффикса, схожие.

2.2.2.1. Модель $-j(a)$ — $-иц(a)$ — $-(к)a$

Злодѣя — злодѣица — злодѣйка

Любодѣя — любодѣица — любодѣйка

Прелюбодѣя — прелюбодѣица — прелюбодѣйка

Все подобные ряды относятся к одной тематической группе — название женщины по личным качествам. В данном случае присоединение суффиксов обуславливается необходимостью усиления родополовой корреляции, так как

лексемы с суффиксом женскости *-j(a)* могут выглядеть как слова мужского или общего рода *а-склонения (*злодея* как *судья*).

2.2.2.2. Модель *-иц(а)* — *-ин(я)*

Пророчица — пророкиня

Вероятно, в этой паре лексема с суффиксом *-ица* образовалась позже. В древнерусскую эпоху суффикс *-ин(я)* был многозначным, и одним из первых значений было ‘качество предмета’ (*благостыня, добрыня, твердыня*)²⁶, т. е. создавалась омонимия и слово *пророкиня* могло восприниматься как качество, которым обладает пророк. Для обозначения же лица женского пола, занимающегося пророчествами, был выбран другой суффикс — *-иц(а)*.

2.2.2.3. Модель *-ин(и)/ын(и)* — *-к(а)*

Селянины — селянка

Римляныни — римлянка

Жидовыни — жидовка

Все ряды относятся к одной тематической группе — национальная принадлежность/место жительства. Вариативность наименований лиц женского пола может объясняться стилем памятника. Так, исследовательница В.В. Беркутова²⁷ пишет о том, что суффикс *-ын(я)/-ин(я)* был книжно-письменным. Наличие таких пар, как *селянины* — *селянка*, возможно, свидетельствует о том, что одна форма (с малопродуктивным суффиксом *-ын(я)*) употреблялась в текстах, а другая — в разговорной речи.

Женский суффикс *-ин(и)*, возможно, появился как коррелят к суффиксу существительных мужского рода со значением единичности *-ин* на основании семантической и фонетической схожести. Тогда получается словообразовательная пара *селянин* — *селянины*.

²⁶ Бекренева К.В. История имен существительных с суффиксом *-ын(я)* в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005.

²⁷ Беркутова В.В. Феминативы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. № 1 (45). С. 7–26.

2.2.2.4. Модель *-иц(а)* — *-к(а)*

Молодица — молодка

Богомолица — богомолка

Эта модель не может быть объяснена усилением родополовой корреляции или различными контекстами употребления: оба суффикса являются носителями женского значения и встречаются в памятниках самых разных жанров, однако суффикс *-иц(а)* появился намного раньше.

Когда в системе появился суффикс *-к(а)* и начал активно употребляться, *богомолка* и другие подобные слова начали появляться по аналогии.

2.2.2.5. Модель *-ын(и)* — *-и(а)*

Салтаныни — султанша

В представленном ряде словообразовательная синонимия является результатом сосуществования в языке продуктивных и утрачивающих продуктивность словообразовательных моделей: *салтаныни* является более древним образованием, относящимся к пласту книжной лексики, в то время как образования с суффиксом *-и(а)* только вводятся в язык (они заимствуются из нижненемецкого языка в XVII–XVIII вв.)²⁸. В этом случае имя, образованное по старой модели, может быть заменено производным по новой, более продуктивной модели.

Необходимо отметить, что вариация основы *султан-/салтан-* зависит от стиля памятника. Так, вариант с *а* в корне является устным, восходящим к народно-фольклорным жанрам²⁹.

2.2.2.6. Модель *-иц(а)* — *-ниц(а)*

Животворица — животворница

²⁸ Шанский Н.М. Из русского словообразования. О словообразовательных связях и происхождении суффикса *-и(а)* // Русский язык в национальной школе. 1959. № 4 (3). С. 65–67.

²⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. (с доп.). Т. 3. М., 1971.

Исходатаица — исходатайница

Вскупница — вскупница

Модель появилась из-за формальной и семантической схожести двух суффиксов, так как морфема *-ниц(a)* образовалась путем лексической компрессии суффикса прилагательных *-н-* и существительных *-иц(a)*³⁰. Соответственно, можно предположить, что первые лексемы рядов образовались от существительных-маскулятивов *животворец*, *исходатай*, *всупец*, а вторые — либо от образованных от них прилагательных с суффиксом *-н-*, либо параллельно и от прилагательных, и от вышеупомянутых существительных (множественная мотивация).

К тому же не следует исключать вариант образования лексем суффиксом *-ниц(a)* по аналогии, так как эта словообразовательная модель уже появилась в системе языка.

2.2.2.7. Модель *-иц(a)* — *-ниц(a)* — *-к(a)*

Чародѣица — чародѣйница — чародѣйка

Все лексемы ряда обладают наиболее продуктивными суффиксами женского словообразования. Возникновение данной модели объясняется разными производящими основами. Так, слово *чародѣица* образовано от маскулятива *чародѣец* (корреляция *-ец/-иц(a)* по типу *певец* — *певица*), *чародѣйница* — от *чародѣйник* (корреляция *-ник/-ниц(a)* по типу *гарусник* — *гарусница*) или прилагательного *чародѣйный*, *чародѣйка* — от *чародѣй* с помощью суффикса *-к(a)*.

2.2.2.8. Модель *-ев(a)* — *-иц(a)* — *-их(a)*

Королева — королица — королиха

Первая лексема ряда *королева* — заимствование из польского языка (*królowa*), в котором *-ow/-ew-* является суффиксом притяжательности,

³⁰ Николаев Г.А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. М., 2010.

использующимся как показатель женского рода. Таким образом, если переводить дословно, королева — это женщина короля. Западнославянский суффикс был не понятен носителям древнерусского языка, поэтому заимствованный суффикс был заменен исконным *-иц(а)* с тем же значением лица женского пола.

Образование с *-их(а)* имеет другое объяснение: изначально *-их-* был суффиксом существительных мужского рода, служащим для образования прозвищ от фамилий или профессий (напр.: *Басиха* Степан Сергеев, крестьянин, 1490 г., Переславль; князь Василий Иванович *Луциха* Хованский, воевода, 1487 г.), затем он стал показателем андронимов — названий жен по имени, прозвищу, фамилии или роду занятий мужа³¹. Позже через женские прозвища *-их(а)* проник в сферу женского словообразования и закрепился в нем, т. е. произошло расширение значения суффикса — от названия женщины по мужу до женскости.

Судя по всему, *королиха* является промежуточной стадией между *королевой* и *королицей*. Если образование с *-их(а)* появилось во время продуктивности андронимов, то его можно считать буквальным переводом *королевы*, т. е. это название женщины по роду занятий мужа. Если же это более позднее образование, то оно будет ближе к *королице* — названию должности.

2.2.2.9. Модель *-j(а)*— *-к(а)*

Ворожея — ворожейка

Суффикс *-j-*, представленный в лексеме *ворожея*, не был суффиксом исключительно женского словообразования, он также использовался для образования лексем общего и мужского рода *а-склонения (см. *судья*, *Илья*). Для усиления родополовой корреляции нужен был продуктивный суффикс, которым стал суффикс *-к(а)*.

³¹ *Азарх Ю.С.* Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000.

2.2.2.10. Модель $-j(a)$ — $-иц(a)$ — $-их(a)$

Вѣдунья — вѣдуница — вѣдуниха

Колдунья — колдуница — колдуниха

Оба ряда слов относятся к одной тематической группе — название женщины по ее деятельности, причем деятельности очень похожей по своей природе (магические практики). Образование с суффиксом $-j$ - было первичным, но, так как этот суффикс использовался не только для образования женских имен, вскоре потребовались дополнительные показатели рода в виде иных суффиксов. Самыми продуктивными на тот момент были суффиксы $-иц(a)$ и $-их(a)$, второй из которых стал полноценным суффиксом со значением лица женского пола.

2.2.2.11. Модель $-иц(a)$ — $-к(a)$ — $-их(a)$

Бобылица — бобылка — бобылиха

Первая лексема ряда *бобылица*, имеющая в составе суффикс $-иц(a)$, появилась раньше. Слово *бобылка* образовалось по аналогии, когда в системе появился новый продуктивный суффикс $-к(a)$. В этом случае суффиксы выступают полными дублетами, т. к. имеют одинаковое значение — ‘женск. к бобыль’.

История лексемы *бобылиха* более интересная: в Словаре русского языка XI–XVII вв. дается такое определение: ‘жена бобыля’. В отличие от предыдущей модели, где $-их(a)$ стал суффиксом со значением женскости, в этом ряду $-их(a)$ имеет андронимическое значение.

2.2.2.12. Модель $-иц(a)$ — $-и(a)$

Материца — матерша

Обе лексемы ряда были образованы от основы косвенных падежей слова *мати* древнего *r-склонения, изначально суффиксация нужна была для различения двух понятий — матери и мачехи. *Материца* образовалась путем присоединения к основе одного из самых продуктивных суффиксов $-иц(a)$,

матерша же появилась позже, когда суффикс *-ш(a)* закрепился в системе и получил широкое распространение.

2.2.2.13. Модель *-иј(a)* — *-ниц(a)*

Манастрия — манастырница

Причины возникновения словообразовательной дублетности в представленном ряде могут быть схожи с п. 2.2.2.8. в том случае, если суффикс *-иј(a)* является заимствованным. Тогда *-ниц(a)* выступает его понятным древнерусским аналогом. Однако здесь может быть и другое объяснение: суффикс *-иј(a)* в принципе выступает только как показатель женского рода, а не как показатель лица женского пола (см. *Греция, братия, Клавдия*), поэтому нужен аналог суффикса, который обладает этим значением.

2.2.2.14. Модель *-овк(a)* — *-их(a)*

Воровка — вориха

Первая лексема ряда образована от маскулятива *вор* с помощью присоединения к основе суффикса притяжательности *-ов-* и суффикса-показателя женского рода *-к(a)*, здесь *воровка* предстает как женщина вора. С этой точки зрения *вориха*, являясь андронимом, способствует экономии речевых усилий, образовавшись с помощью одного суффикса вместо двух.

2.2.2.15. Модель *-к(a)* — *-енк(a)*

Богадѣлка — богадѣленка

Богадѣлка было образовано от сложной основы *богадѣл-* путем присоединения суффикса *-к(a)*. От той же основы с помощью суффикса *-н(я)* образовалось слово *богадѣльня*, от которого произошла вторая лексема ряда *богадѣленка*.

2.2.2.16. Модель *-ан(a)* — *-ичн(a)* — *-аничн(a)*

Братана — братична — братанична

Маскулятивы *братан* и *братич* образованы от слова *брат* с помощью разных суффиксов — *-ан* (со значением отнесенности к чему-л.) и *-ич* (суффикс патронимов) и имеют одинаковое значение ‘сын брата, племянник’. В данном случае суффиксы являются синонимами: кто-то, относящийся к брату, и братьев. Первая лексема тройки образована от *братана*, а вторая по известной модели от *братича* с добавлением суффикса *-н-* (ср. *Ильич* — *Ильнична*). Последняя лексема ряда *братанична* содержит в себе оба этих суффикса, видимо, для усиления значения.

2.2.2.17. Модель *-лj(a)* — *-x(a)*

Пряля — пряха

Пряля образовано от глагола *прясть* с помощью *-л-* (ср. *гадалка*) и суффикса женскости *-j-*. Причем некоторые исследователи выделяют у первого значение лица, которое обычно выполняет действие. *Пряха* образовано с помощью суффикса *-x-* со значением субъективной оценки (ср. *неряха*).

Скорее всего, *пряха* образовалось раньше, так как не имеет формального показателя женского рода (как и *неряха* общего рода), тогда к основе *пря-* добавился суффикс отглагольного существительного *-л-* и суффикс женскости *-j-*, так как без второго суффикса лексема выглядела бы как *пряла* и совпадала с перфектом, а образование со вторым суффиксом *-к(a)* было занято (*прялка* — это инструмент).

2.2.2.18. Модель *-иц(a)* — *-евк(a)* — *-ян(a)*

Бѣлица — бѣлевка — бѣляна

Первое слово ряда *бѣлица* имеет мужскую пару *бѣлец*, здесь обнаруживается типичная корреляция суффиксов *-ец-* и *-иц(a)* (ср. *вдовец* — *вдовица*).

Суффикс в лексеме *бѣлевка* можно объяснить тем, что суффикс *-ев-/ов-* имеет значение притяжательности, отнесенности к чему-л. Тогда получается, что

бѣлевка — это та, кто относится к белому (т. е. мирскому), она не пострижена в монахини. Суффикс *-к(а)* же добавляет значение лица женского пола.

Последняя лексема ряда *бѣляна* образована с помощью присоединения суффикса *-ян-* со значением лица, занимающегося тем, что названо исходным словом, т. е. *бѣляна* — это та, кто занимается мирскими делами, а не монашескими.

Интересно отметить, что мужской коррелят есть только у одного слова из трех представленных.

2.2.2.19. Модель *-ниц(а)* — *-яниц(а)*

Бѣльница – бѣляница

Рассмотрим причину различия в наборе суффиксов двух представленных лексем: *бѣльница* образована от маскулятива *бѣльник* (типичная корреляция суффиксов *-ник-* и *-ниц(а)*: *виновник* — *виновница*).

Лексема *бѣляница* же образована напрямую от глагола *бѣлити* с помощью прибавления суффикса *-ян-* со значением лица, занимающегося тем, что названо исходным словом (*пьяница*, *грубиян*, *крестьянин*) и суффикса *-иц(а)* со значением женскости. Не исключено, что оно может быть образовано от потенциального, но не зафиксированного маскулятива *бѣляник*, в таком случае можно отметить еще одну типичную словообразовательную корреляцию суффиксов *-ик-* и *-иц-* (*кумик* — *кумица*, *ангелик* – *ангелица*).

2.2.2.20. Модель *-ениц(а)* — *-овиц(а)*

Веденица – ведовица

Несмотря на то что оба слова обладают одним и тем же суффиксом женского словообразования *-иц(а)*, суффиксы, стоящие перед ним, различаются. Вероятно, причина заключается в том, что *веденица* образована от глагола *ведети*, а *ведовица* — от *ведовати*.

2.2.2.21. Модель *-нј(а)* — *-ин(я)*

Арцугня — арцугиня

Слово *арцугня*, предположительно, является субстантивированным кратким прилагательным (арцугня жена), образованным от маскулятива *арцуг* с помощью суффикса прилагательных *-н-* и суффикса притяжательности *-j-*, чем объясняется мягкость *н*. Не исключено также, что стоящий рядом суффикс *-j-* обладает значением не притяжательности, а женскости.

Лексема *арцугиня* обладает типичным суффиксом женского словообразования *-ин(я)*.

2.2.2.22. Модель *-j(a) — -ын(я)*

Госпожа — господня

На первый взгляд, выделение этого ряда в отдельную модель кажется необоснованным, так как современный морфемный состав предполагает наличие в слове *госпожа* нулевого суффикса, такой вариант был рассмотрен в п. 2.2.1.2.

Для прояснения ситуации обратимся к фонетике древнерусского языка. Лексема *госпожа* появилась посредством прибавления суффикса женскости **j* к основе *господ-* (ср. *швея*, *невунья*), произошла палатализация и *д* перешло в *ж* (см. старославянское *госпожда*). Наличие в этой лексеме суффикса дает нам основание для выделения этого ряда в отдельную словообразовательную модель.

Слово *господня*, обладая древним многозначным суффиксом *-ын(я)*, в какой-то момент стало омонимично существительным с абстрактной семантикой (*господня* как качество господ). Можно предположить, что именно по этой причине в языке осталась форма с суффиксом **j*.

ВЫВОДЫ

Итак, нами был проведен анализ слов-наименований лиц женского пола с конкурирующими суффиксами. На первоначальном этапе было отобрано 46 рядов, состоящих из 2–5 единиц (всего 111 слов).

Существительные были распределены по 6 тематическим группам: национальная принадлежность/место жительства, название женщины по

положению в обществе, название женщины по деятельности (с двумя подгруппами в виде названия женщины по ее связи с магическими практиками и связи с церковью), название женщины по социальным связям, название женщины по личным качествам, название женщины по возрасту.

Затем были выделены 34 словообразовательные модели, которые были распределены на две группы (модели, в которые входят лексемы с нулевым суффиксом, и модели без лексем с нулевым суффиксом), которые затем были подробно описаны.

Была предпринята попытка выявить причины возникновения суффиксальной конкуренции. Основной причиной для первой группы моделей представляется необходимость гендерного маркирования лица посредством словообразования с суффиксом женскости, так как флексия *-а* бывает недостаточной для понимания грамматического рода: существительные мужского и общего рода имеют аналогичную флексию.

Для второй группы моделей было выделено несколько причин возникновения словообразовательной дублетности. Основной нам видится то, что лексемы одного ряда при общей семантике могли образовываться от разных производящих основ. Например, первая лексема ряда могла образоваться от своего мужского коррелята, а вторая — напрямую от глагола или прилагательного.

Второй причиной является стремление к снятию омонимии в ситуации, где более древние суффиксы утратили свое «женское» значение и приобрели другое. Тогда для обозначения лица к производящей основе присоединялись более подходящие форманты.

Некоторые суффиксальные варианты возникали из-за разного происхождения: какие-то суффиксы были заимствованы, тогда нужен был древнерусский аналог, понятный для носителей языка.

Наконец, были выявлены случаи, где одна лексема содержит только один суффикс, а другие — несколько. Тогда вариантные образования можно объяснить тенденцией к экономии речевых усилий: когда образования с

несколькими суффиксами стали громоздкими, носителями языка были порождены более компактные их аналоги.

Стоит отметить, что многие модели появлялись по причине аналогии, так как в системе возникали образования с иными суффиксами.

ГЛАВА 3. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВАРЬИРОВАНИЯ ФЕМИНАТИВОВ В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Под функциональным аспектом в данной работе будет пониматься то, как словообразовательные дублиеты соотносятся между собой в отношении стиля памятника, его диалектной принадлежности, а также иные причины, по которым в текстах появляется та или иная лексема.

Важно отметить то, что будут проанализированы не все модели, а только самые показательные, отражающие общие тенденции, применимые ко всем остальным рядам словообразовательных дублиетов.

Одной из самых интересных причин существования дублиетов с точки зрения их функционирования нам представляется необходимость различения двух лиц женского пола одной профессии/статуса в контексте одного памятника. В таком случае одна будет названа одним вариантом слова, другая — другим. Так, в памятнике середины XVII в. находим следующий отрывок: “Сестрамъ... Нениле Рудомешке, Прокве Богадѣлке, Елене Богадѣленке, Анисье Лужникове” (Росп. им. Н. Ром., 99. 1655 г.)³². Можно заметить, что наименования этих женщин по роду деятельности одновременно являются их прозвищами, которые, конечно, не могут быть одинаковыми и служат средством их различения (как фамилии).

Личные прозвища, по наблюдением, вообще являются одним из основополагающих критериев выбора наименования лица женского пола в контексте. Так, в одном памятнике находим две записи: 1) “Приключило же ся бѣ отцю отрочатѣ исцелѣвшему въ Антиохии быти, егда святая **апостола** — Фекла вввержена бысть къ звѣремъ”; 2) “Да принесемъ убо паки слово на святую **апостолицу**” (ВМЧ, Сент. 14–24, 1387. XVI в.). Здесь также можно наблюдать, что дублиеты служат средством различения двух проповедниц христианского

³² Сокращения даются в соответствии с принятыми в издании: Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск/ Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2004.

учения, однако *апостола* является личным прозвищем Феклы, в отличие от *апостолицы*, наименования по деятельности, что подтверждается данными словарей. Таким образом, можно сделать вывод, что, будучи полными семантическими дублетами, одна из лексем ряда позже стала личным прозвищем конкретной женщины, в то время как другая осталась для наименования женщин этой профессии в целом.

Оппозиция имя собственное/имя нарицательное хорошо прослеживается еще на одном примере: Марина Мнишек, супруга Лжедмитрия I, в текстах начала XVII в. чаще именуется *ворихой*, а не *воровкой*. Как уже было сказано в п. 2.2.2.7., суффикс *-их(a)* изначально был не типичен для женского словообразования, он использовался для образования мужских оттапеллятивных прозвищ, затем стал суффиксом андронимов. Причем андронимы на *-их(a)* не были регулярными в русском языке вплоть до начала XVII в. в связи с регулярностью мужских прозвищ на *-их(a)*. Некоторые исследователи выделяют у женского суффикса *-их(a)* еще одно значение, характерное для начала XVII в. — личное прозвище (такие имена, как правило, имели стилистическую окраску *уничижительное*)³³. Важно отметить, что в контексте разница между наименованием женщины по профессии ее мужа и ее собственным прозвищем не всегда видна, поэтому сложно сказать, является ли Марина Мнишек только женой разбойника или предстает как отдельный персонаж. Памятники той эпохи четко дают понять, что *вориха* стала именем собственным, а *воровка* осталась как имя нарицательное — произошло семантическое разведение дублетов. Приведем несколько примеров: “[Иван Хохлов с товарищами] воровского Маринкина сына называли прямымъ государскимъ сыномъ и мать его, **вориху Маринку**, называли государынею” (Посольство Леонтьева, 236. 1616 г.); “Ты [лисица] старая **воровка** и обманщица” (Сказ. о куре и лисице, 198. XVIII в. □ XVII в.); “И при многих людех колдун<ь>ею и **воровкою** называл” (А. Ивер. м. Чел. 1692 г.).

³³ *Килина Л.Ф., Соколова А.* Феминитивы с суффиксом *-их(a)* в текстах XVIII–XX вв.: корпусное исследование // Вопросы языкознания. 2022. № 1. С. 85–105.

Таким образом, одной из причин возникновения словообразовательной дублетности в группе слов-наименований лиц женского пола является необходимость различения женщин одной профессии/статуса в контексте памятника. Нередко за одной из лексем ряда закреплялось личное прозвище, в то время как за другой оставалось общее значение.

В памятниках, где нет необходимости различать женщин, ситуация иная. Рассмотрим следующий пример: “... и стреляют чародѣица и **чародѣицу**, черньца и **черницу**, и отрока и **отроковицу**, колдуна и **колдуниху**, ведуна и **ведуниху** и всякого лукаваго члвка” (Заговоры Олон., 532. XVII в.). На 5 женских образований приходится всего 2 суффикса — *-иц(а)* и *-их(а)*, причем *-их(а)* в данном примере уже является типичным суффиксом женского словообразования, т. к. прямо коррелирует с *-иц(а)* и не содержит в себе андронимического значения (как *чародѣец* и *чародѣица*, так и *ведун* и *ведуниха* не являются супругами, они люди, занимающиеся одним делом).

Интересной является закономерность: обе лексемы на *-их(а)* относятся к одной тематической подгруппе — наименования женщин, связанных с магическими практиками. Несмотря на то что слово *чародѣица* входит в ту же тематическую подгруппу, суффикс, с помощью которого оно образовано, иной, т. к. *чародѣица* тяготеет к высокому стилю. Здесь стиль оказывается важнее семантики, о чем будет сказано позже.

Важным показалось наблюдение, что существительные с суффиксом *-иц(а)* имеют мужскую пару с суффиксом *-ец-* (*чародѣец*, *чернец*), однако *колдун* и *вѣдун* не имеют суффиксов, от которых мог бы образоваться похожий по звучности женский вариант (интересно то, что оба слова кончаются на один согласный *н*).

Здесь вариантность объясняется тем, что в говорах русского языка нередко представлены свои словообразовательные модели, одну из которых можно увидеть в примере: “... и стреляют чародѣица и **чародѣицу**, черньца и **черницу**, и отрока и **отроковицу**, колдуна и **колдуниху**, ведуна и **ведуниху** и всякого лукаваго члвка” (Заговоры Олон., 532. XVII в.)

Для подтверждения этого тезиса обратимся еще к нескольким записям заговоров Олонецкой губернии: “Ъздит тот муж золот на своем золотом конѣ ... а страстит под собою землю и воду и люди худые ... ведуна и **вещицу**, колдуна и **колдуниху**” (Заговоры Олон., 506. XVII в.); “Огради меня ризою своею от колдуна и **колдуних**, от ведуна и от **вещ(иц)**, и от всяког<о> злаг<о>” (Заговоры Олон., 486. XVII в.); “Закрой мои ловушки от волхва и от **волшницы**, и от кудесника, и от **кудесниц<ы>**, и от всяка лиха ч<еловѣка>, от стара и до велика” (Заговоры Олон., 488. XVII в.)³⁴. Основываясь на приведенных данных, можно говорить о том, что в Олонецких говорах для образования женских наименований используется 3 суффикса — *-их(а)*, *-иц(а)*, *-ниц(а)*, которые являются полными синонимами, т. к. суффикс *-их(а)* в приведенных примерах не содержит в себе отрицательной коннотации и может быть заменен на такие же эмоционально-неокрашенные *-иц(а)/-ниц(а)*. По-видимому, для этой группы говоров это является продуктивной моделью образования слов-наименований лиц женского пола. В таком случае можно говорить о тенденции к унификации средств женского словообразования в диалектах русского языка.

Перейдем к следующей причине. Основу стилистических возможностей русского языка составляет словообразование, в частности суффиксация и префиксация. Аффиксы вносят в слова функционально-стилистическую окраску, которая характеризует слово по его отношению к тому или иному функциональному стилю. Прежде всего выделяется стилистическая синонимия словообразовательных аффиксов, когда к одной производящей основе могут присоединятся аффиксы с противоположной стилистической нагрузкой (напр.: *водица* — *водичка*). В исследуемых рядах нередки случаи, где стиль играет большую роль при выборе суффикса из конкурирующих вариантов.

³⁴ Слово *вещица* не включалось в перечень вариантных феминативов, так как является диалектным и образовано не от *вед-*, а от *вещ-*. С точки зрения словообразования, правильным маскулятивом к *вещице* будет *вещун*, а не *ведун*, что фиксируется диалектными словарями. В представленных контекстах коррелирует пара *ведун* — *вещица* в силу своей семантической и формальной схожести.

Так, анализ контекстов, включающих образования с *въдун-*, показал, что можно говорить о тяготении суффикса *-их(a)* к низкому стилю, в т. ч. заговорам, примеры из которых представлены ранее. Приведем несколько примеров, где вариант с суффиксом *-их(a)* не используется: “...чтобъ архангелу Михаилу взять раба божия Григория изъ рукъ враговъ его от лиха отъ зла чел<овѣка>, ото всякия порчи, отъ въдуна и отъ **въдуницы**, и соблюсти въ бѣдахъ, въ скорбяхъ, въ печаляхъ” (Сл. и д. II, 44. 1701 г.); “Въ литовскихъ городѣхъ баба **въдунья** наговариваетъ на хмѣль, которой изъ Литвы возятъ въ наши города” (ААЭ III, 283. 1632 г.); “А которые будутъ стрѣльцы держать у себя въдуновъ и **въдуней**, и въ томъ ихъ уличать, и тѣхъ въдуновъ и **въдуней** имати и сажать въ тюрьму” (ДАИ III, 75. 1646 г.). Из приведенных примеров становится понятно, что для записи законов и правовых актов выбираются лексемы без стилистически нагруженного суффикса *-их(a)*, т. к. деловому стилю свойственно оперирование нейтральными суффиксами, такими как, например, *-иц(a)* и *-j(a)*.

Для подтверждения этого тезиса обратимся к еще одному памятнику деловой письменности: “И при многих людех **колдун<ь>ею** и **воровкою** называл” (А. Ивер. м. Чел. 1692 г.). Оба феминатива представлены образованиями с неоценочными суффиксами в силу: а) стиля памятника, где *колдуниха* будет слишком оценочной; б) невозможностью использования оценочной лексемы *вориха* в данном контексте (т. к. за *ворихой* закреплено личное прозвище, а не общее наименование). Причина, по которой в тексте не было использовано слово *колдуница*, возможно, кроется в диалектной принадлежности памятника.

Если деловой стиль оперирует нейтральными суффиксами, то за высоким стилем, характерным для летописей и торжественных слов, закрепляются: 1) суффиксы, имеющие книжную окраску, в т.ч. нулевые, которые в силу своей архаичности имеют оттенок книжности; 2) суффиксы, не имеющие особых стилистических оттенков, т.е. нейтральные. Для примера возьмем лексемы *волхва* — *волиница* и проанализируем контексты их употребления: “Закрой мои ловушки от волхва и от **волшницы**, и от кудесника, и от кудесниц<ы>, и от всяка

лиха ч<еловѣка>, от стара и до велика” (Заговоры Олон., 488. XVII в.); “Аще жена зелеиница, чародѣица, наузница, **вльхва** ...” (Переясл. лет., 43.), “Угасъшю же огню и устыдъши мѣди. Рече цсрь прѣстоящимъ не рѣхъ ли вамъ яко **вльхва** есть, видѣсте ли како угаси огонь” (Усп. сб., 157. XII–XIII вв.). Образование с суффиксом *-ниц(а)* тяготеет к низкому стилю и имеет устный характер, в то время как лексем с нулевым суффиксом обнаруживаются в памятниках высокого стиля.

Одной из главных особенностей употребления вариантных наименований в тексте является стилистическая однородность, явление, при котором из всего множества суффиксов в функциональном стиле закрепляется один или несколько ради соблюдения внутренних норм. Самым распространенным суффиксом, по наблюдениям, является *-ниц(а)*. Приведем несколько примеров: “12 кѣлей, а въ нихъ живутъ **старицы черноризицы**, да 2 кѣльи, а въ нихъ живутъ **старицы белицы**” (Кн. пер. Бежецк. пят., 1564 г.); “**Вкладчицѣ бѣлицѣ** Феклѣ Оленевѣ 176 году марта въ 22 день дано на верхницу да на сарафанъ холста 16 аршинъ съ перемѣною” (А. Уст. II, 276. 1668 г.). Несложно заметить, что в представленных отрывках все женские имена образованы с помощью суффикса *-ниц(а)*. При этом если *старица*, *черноризица*, *вкладчица* не имеют вариантов, то у *бѣлицы* есть дублиеты — *бѣлевка*, *бѣляна*, однако, находясь в окружении лексем с суффиксом *-ниц(а)*, автор текста выбрал слово с таким же суффиксом для сохранения стилистической однородности. Это также может говорить о том, что то или иное образование выбирается по аналогии со стоящими рядом лексемами, т. е. присутствует влияние морфемного окружения.

Аналогичные причины обнаруживаются и в ряду *кума* — *кумица*: “Ни играите игрою любимии шушливою съ чюжими **женами** и ни с **кумами**, ни съ ятрови, ни съ **снохами**” (Изм., 49. XVI в. □ XI–XV вв.), “... грѣх иже съ мтери и съ сестрою и съ снахою, и съ дъщерию, и съ **поматерницею**, и съ **кумицею**” (П. отреч. II, 31. XV в.). В приведенных примерах прослеживается связь между выбором из вариантных наименований и стоящими рядом лексемами. Так, в первом отрывке между *кумой* с нулевым суффиксом и *кумицей* с суффиксом -

иц(a) выбирается *кума*, т. к. в окружении обнаруживаются слова с нулевым суффиксом. Во втором примере, который является отрывком из “Хождения Богородицы по мукам”, на выбор лексемы влияет не только стиль памятника, но и стоящая рядом *поматерница*, обладающая суффиксом *-ниц(a)*, появившимся путем компрессии суффиксов *-н-* и *-иц(a)*.

Рассмотрим один из контекстов употребления слова *манастырница*: “Образъ **манастырници** или **постъници**” (Ефр. крм. LXXXVII. 86–87. XII в.). На выбор дублета могла повлиять как словообразовательная причина, рассмотренная в п.2.2.2.11., так и рядом стоящая лексема *постница*.

Теперь обратимся к примерам с другими суффиксами: “А велѣль тое **бабу ворожею** изымать и роспросить подлинно: какую она ворожбою промышляетъ, и чѣмъ ворожить, и сколь давно, и кому что своею ворожбою сдѣлала” (АМГ I, 303. 1630 г.); “И Афонасий де Овсянниковъ у ней бабы **татарки ворожейки** ворожился, и я де видѣль, ворожила де ему, Афонасью — на рукахъ смотрила и ворожила лукомъ” (АМГ I, 304. 1630 г.). Несмотря на то что это отрывки из одного памятника делового стиля, в них обнаруживаются оба варианта — *ворожея* и *ворожейка*, здесь стоит обратить внимание на стоящие рядом суффиксальные образования слов-наименований лиц женского пола. Так, в первом случае *ворожея*, обладающая только суффиксом с модификационным значением женскости *-j(a)* соседствует с *бабой*, где нет формального показателя женского рода, только нулевой суффикс. Во втором примере *ворожейка* находится рядом с *татаркой*, в обеих лексемах присутствует суффикс *-к(a)*. Здесь выбор варианта больше зависит от рядом стоящих лексем, чем от стиля.

Обратим внимание на пример, который демонстрирует отхождение от принципа морфемного окружения в угоду стилю: “Аще жена зелеиница, **чародѣица**, наузница, влѣхва ...” (Переясл. лет., 43.). Лексема *чародѣица*, имея вариант с суффиксом *-ниц(a)*, выбивается из стоящих рядом образований с этим суффиксом. Причиной этому может послужить стиль памятника, в котором предпочтительнее использовать *чародѣицу*, тяготеющую к высокому стилю, чем нейтральную *чародѣйницу*. В подтверждении данного тезиса можно привести

стоящую рядом нейтрально-высокую *волхву*, а не *волиницу*, встречающуюся в записях заговоров. *Зелеиница* и *наузница* здесь являются нейтральными, т. к. не обладают вариантами, а соответственно не маркированы стилистически.

Наконец, обратимся к примеру, где в равной степени взаимодействуют как стилистические особенности суффиксов, так и окружающие их образования: “Аще жена будеть **чародѣйница** или **наузница** или волхва..., митрополиту 6 гривень” (Церк. уст. Яр.). Памятник принадлежит к деловому стилю, оперирующему нейтральными морфемами, следовательно, суффикс *-ниц(а)* мог возникнуть в лексеме *чародѣйница* как по причине отсутствия стилистической окраски, так и из-за стоящей рядом лексемы *наузница*.

Можно заключить, что и стилистическая однородность, и морфемное окружение в равной степени влияют на выбор писцом варианта феминатива. При этом нельзя отрицать их влияния друг на друга. Только совокупность всех факторов в конечном счете влияет на результат.

Еще одной причиной использования того или иного варианта оказывается личное предпочтение автора. Так, например, лексема *волхвовь* зафиксирована только в одном контексте: “Аще утапати начнеть неповинна есть; аще ли поплочеть, **волхвовь** е<сть>” (Поуч. Серапиона Вл., 12. XIV в. □ XIII в.). Памятник относится к высокому стилю, использование стилистически сниженной *волиницы* невозможно, в таком случае уместным будет использование *волхвы* или *вошебницы*, однако использована *волхвовь*. Возможно, это объясняется диалектной принадлежностью текста, однако эта лексема не обнаруживается ни в каких других памятниках этого региона и является гапаксом. Так как памятник авторский, на первый план выходит предположение о том, что это личное пристрастие создателя текста.

Таким образом, функционирование вариантных наименований лиц женского пола является сложным процессом и зависит от совокупности нескольких факторов.

ВЫВОДЫ

Проведенный нами анализ позволяет говорить о том, что на функционирование феминативной лексики в памятниках древнерусского языка XI–XVII вв. оказывает влияние несколько основных факторов:

- 1) необходимость различать двух женщин, занимающихся одним видом деятельности. Нередко в этом случае за одним из вариантов закреплялось значение личного прозвища, за другим — наименование женщины этой профессии/статуса вообще (напр.: *апостола* Фекла и *апостолица*-проповедница христианского учения)
- 2) стилистическая окраска варианта, где за разными функциональными стилями закрепляются определенные аффиксы (напр.: нейтральная *волхва* и стилистически сниженная *волиница*);
- 3) стилистическая однородность памятника, по принципу которой в тексте использовались всего 1–2 суффикса (напр.: *-иц(a)*);
- 4) принцип морфемного окружения, при котором выбор варианта основывается на стоящих рядом образованиях (напр.: “... и съ *поматерницею*, и съ *кумицею*”)
- 5) диалектная принадлежность памятника. Как известно, говоры русского языка тяготеют к унификации различных процессов (например, выравнивание парадигм). В этом случае для образования женских наименований закрепляется несколько основных словообразовательных моделей (например, *-их(a)* и *-иц(a)/-ниц(a)* в группе Олонецких говоров), остальные же варианты отвергаются;
- 6) личные предпочтения автора текста.

Все эти причины не были изолированы друг от друга — на функционирование вариантных феминативов в тексте памятника могут повлиять сразу несколько из них.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной выпускной квалификационной работе нами были предприняты попытки осмысления причин формирования словообразовательной дублетности феминативов в памятниках древнерусского языка XI–XVII вв.

В ходе исследования были выделены 34 словообразовательные модели вариантных наименований лиц женского пола, которые затем были подробно описаны.

По результатам анализа феминативов были выделены следующие причины формирования дублетности в словообразовательном аспекте: необходимость гендерного маркирования лица посредством словообразования с суффиксом женскости, образование феминативов от разных производящих основ, замена суффиксов, утративших свое значение, замена иноязычных суффиксов, тенденция к экономии речевых усилий.

На основании контекстов, в которых находятся вариантные слова-наименования лиц женского пола, были выявлены особенности их функционирования. Так, оказалось, что на соотношение словообразовательных дублетов с семьей лица женского пола оказывают влияние такие факторы, как: необходимость различения двух женщин одной профессии/статуса в контексте, стиль памятника, его диалектная принадлежность, морфемное окружение варианта, личные предпочтения автора текста.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что выявленные причины формирования словообразовательной дублетности в группе феминативов в памятниках древнерусского языка XI–XVII вв. могут быть релевантны для других групп суффиксальных существительных, имеющих словообразовательные варианты.

В дальнейшем при изучении этой темы планируется рассмотрение более обширной группы слов-наименований лиц женского пола, анализ в контексте памятников других стилей и жанров (например, берестяных грамот),

сопоставление контекстов по большему количеству критериев (например, в расчет будет браться время создания памятника).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абреинова Г.Н.* Семантическая структура наименований лиц женского пола в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 1998.
2. *Адливанкин С.Ю., Мурзин Л.Н., Цаплина О.В.* Словопроизводство и деривационные отношения (на материале наименований лиц мужского-женского пола в Акчимском говоре) // Проблемы деривации в системе языка и в речевой деятельности: синхронное словообразование и номинация. М., 1995. С. 11–19.
3. *Азарх Ю.С.* Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000.
4. *Азарх Ю.С.* Слова на *-иха* в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М., 1979. С. 175-195.
5. *Азарх Ю.С.* Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
6. *Аксаков К.С.* Опыт русской грамматики // Аксаков К.С. Полн. соб. соч. Т. 3. Сочинения филологические. Ч. 2. М., 1880. С. 38–169.
7. *Бекренева К.В.* История имен существительных с суффиксом *-ын(я)* в русском языке. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Казань, 2005.
8. *Беркутова В.В.* Феминативы в русском языке: исторический аспект // Филологический аспект. 2019. № 11 (43). С. 7–23.
9. *Беркутова В.В.* Феминативы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. № 1 (45). С. 7–26.
10. *Бояринова Л.З.* Суффиксальное словообразование имен существительных со значением лица женского пола в говорах Смоленской области. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
11. *Варбот Ж.Ж.* Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. М., 1969.

12. *Вендина Т.И.* Дифференциация славянских языков по данным словообразования. М., 1990.
13. *Виноградов В.В.* История слов / Российская академия наук. Отв. ред. чл.-корр. РАН Н.Ю. Шведова. М., 1999.
14. *Виноградов В.В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Исследования по русской грамматике. М., 1975.
15. *Виноградова В.Н.* Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.
16. *Герд А.С.* Из словообразования брянских говоров (Имена существительные с детерминативом *g) // Брянские говоры. Л., 1975. С. 47–52.
17. *Грязнова В.М.* Словообразовательная категория суффиксальных личных существительных мужского рода в русском литературном языке XIX века. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993.
18. *Демичева В.В.* Феминативная лексика XVIII века как отражение культурных и духовных традиций русского общества // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: Сборник научных статей. Гомель, 2019. С. 24–28.
19. *Дубинец З.А., Яковчук А.В.* Современные феминативы: словообразовательный аспект (на материале СМИ) // Стратегии социально-экономического развития Северного региона Крыма: Материалы III Межрегиональной научно-практической конференции, Армянск, 12 февраля 2020 года. Армянск, 2020. С. 162–167.
20. *Еременко О.И.* Явление суффиксальной синонимии в сфере феминативной лексики XIX столетия (на материале «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля) // Даля Даля: Сборник статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 220-летию со дня рождения В.И. Даля и Дням славянской письменности и культуры, Белгород, 20–21 мая 2021 года. Белгород, 2021. С. 162–172.

21. *Звукова Е.Д.* Денотативный класс слов, обозначающих жен/женщину, в истории русского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
22. *Ивыгина А.А.* Наименование лиц женского пола в русских говорах Волжско-Свияжского междуречья: структурно-семантический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-2(24). С. 93–97.
23. *Килина Л.Ф., Соколова А.* Феминитивы с суффиксом *-их(а)* в текстах XVIII–XX вв.: корпусное исследование // Вопросы языкознания. 2022. № 1. С. 85–105.
24. *Китайгородская М.В.* Вариативность в выражении рода существительного при обозначении женщин по профессии // Социально-лингвистические исследования. М., 1976. С. 144–155.
25. *Коновалова Н.И.* Имена существительные в русском языке, обозначающие профессию женщины // История русского языка: Словообразование и формообразование. Казань, 1997. С. 72–79.
26. *Копоть Л.В.* Репрезентация этногендерной картины мира в наименованиях профессий и должностей древнерусского языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. №1(144). С. 183–187.
27. *Короновская Р.В.* Феминитивы в русском языке: лингво-исторический и словообразовательный аспекты // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2021: материалы международной студенческой научно-практической конференции, Магнитогорск, 16–19 марта 2021 года. Магнитогорск, 2021. С. 1425–1431.
28. *Куркина Т.С.* Имена существительные с модификационным значением в говоре села Лыченцы Переславль-Залесского района Ярославской области // Русское слово: синхронический и диахронический аспекты: Сборник научных статей по итогам работы четвертой международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 28 ноября 2014 года. Орехово-

- Зуево, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23923165_84499337.htm
29. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М., 2011.
30. *Нещименко Г.П.* О некоторых аспектах изучения словообразовательной вариативности // Вариативность как свойство языковой системы. Ч. 2. М., 1982. С. 22–24.
31. *Нещименко Г.П.* Существительные женского рода со значением лица в чешском и русском языке: Тенденции развития // Сборник научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Александры Григорьевны Широковой. М., 2009. С. 10–26.
32. *Николаев Г.А.* Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. М., 2010.
33. *Николаев Г.А.* Типы словообразовательной синонимии в русском языке // *Slavia orientalis*. Warszawa, 1979. №2. С. 257–264.
34. *Новикова Л.Н.* Модификационное словообразование в тверских говорах // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2014. №3. С. 145–152.
35. *Новолодская А.А.* Русские феминитивы: лингвистический эксперимент // *Ratio et Natura*. 2020. № 2(2). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2020-11/Русские%20феминитивы%20лингвистический%20эксперимент.pdf>
36. *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в формах существительного и прилагательного.* М., 1964.
37. *Протченко И.Ф.* Об образовании и употреблении имен существительных женского рода – названий лиц в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.

38. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. В 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980.
39. Рылов С.А. Функциональная стратификация древнерусской и старорусской речи // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского: Сер. Филология. Н. Новгород, 2000. №1. С. 187–196.
40. Современный русский язык: Учебник / Белошапкова В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В.; Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981.
41. Соловьева Ю.В. Кодеривация суффиксальных оттопонимических существительных // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2011. № 10 (53). С. 160–161.
42. Тагабилева М.Г. Сопоставительный анализ моделей диминутивного словообразования (на материале существительных женского рода в южнославянских языках). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://dissovet.philol.msu.ru/docs/2016_TagabilevaMG_diss_10.02.20_24.pdf
43. Толстова М.А. Отражение гендерной картины мира в наименованиях лиц женского пола в диалекте // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: Труды и материалы международной конференции, Казань, 31 октября – 03 ноября 2016 года. Казань, 2016. С. 292–298.
44. Улыбина А.А. Наименования лиц женского пола в архангельских говорах (на словарном материале). Автореф. ВКР ... бакалавра филологии. Саратов, 2019.
45. Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М., 2020.
46. Шанский Н.М. Из русского словообразования. О словообразовательных связях и происхождении суффикса *-и-(а)* // Русский язык в национальной школе. 1959. №4 (3). С. 65–67.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И БАЗ ДАННЫХ

1. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
2. *Колесников Н.П.* Толковый словарь названий женщин. М., 2002.
3. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И.И. Срезневского. СПб., 1893.
4. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: ruscorpora.ru
5. *Нордстет И.* Российский, с немецким и французским переводами, словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом: [в 2 ч.]. СПб., 1780–1782.
6. *Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию и стилистике. М., 1997.
7. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Т. 1–12. М., 1988–2019 (издание продолжается).
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Вып. 1–31. М., 1975–2019 (издание продолжается).
9. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847.
10. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. (с доп.). М., 1971.